УЕХАТЬ НЕЛЬЗЯ ВЕРНУТЬСЯ: РОССИЙСКАЯ НАУКА И ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ЭМИГРАЦИЯ

Ленников А.М., MD, Ph.D., Институт глазных исследований имени Шепенса (Массачуентс, США), lennikov@gmail.com

"В течение последних пяти лет из России уехало 50 тысяч ученых – никакие иные страны не потеряли столько специалистов в научной сфере", – сообщил в своем выступлении на общем собрании Сибирского отделения РАН 18 мая 2023 г. академик Валентин Пармон. По его словам, в условиях, когда будущее страны зависит от наукоемких технологий и технологического суверенитета, такая тенденция печальна. Чтобы остановить процесс утечки мозгов, нужно кратно увеличить затраты на научные исследования, считает академик. Число ученых до 30 лет за последнее десятилетие сократилось на 25%, подтверждает мнение коллеги ректор МГУ академик Виктор Садовничий.

До 80% перспективных молодых российских исследователей ежегодно уезжают за рубеж для продолжения научной карьеры – такие выводы содержатся в докладе Высшей школы экономики "Научно-технологическая политика России в условиях постпандемии: поиск новых решений". Авторы доклада отмечают, что, несмотря на уже реализуемые меры по улучшению действующей системы аспирантуры, выделению аспирантам исследовательских грантов, внедрению новых механизмов поддержки ученых в научно-образовательных и научных центрах мирового уровня, эффекты от них пока малозаметны. Предложенный в докладе комплекс мер включает целевое бюджетное софинансирование фонда оплаты труда высококвалифицированных научных кадров, поддержку международной академической мобильности ведущих и молодых ученых, упрощение визового режима для зарубежных научных специалистов, а также меры, позволяющие ускорить их натурализацию в России.

А как видится проблема и пути ее решения с другой стороны? Статья посвящена основным причинам российской интеллектуальной эмиграции с точки зрения российского специалиста, выбравшего научную карьеру за рубежом.

Российские ученые уезжают в институты США, Европы, других стран и редко возвращаются. Проблема есть. И проблема далеко не новая. Хочу обозначить сразу, никакой целевой программы по "вербовке" именно российских ученых не существует. Корни проблемы в организации российской науки, а не в зарубежных университетах, которые смущают умы "огромными" зарплатами. Например, в США нанимают всех с достаточной квалификацией, в научной среде это довольно узкий круг специалистов, причем процентов семьдесят-восемьдесят из них будут из Китая и Индии: за счет большей численности населения эти страны выпускают больше квалифицированных кадров. Сами американцы академическую научную карьеру выбирают редко: дорогое обучение, медленный карьерный рост, низкие зарплаты. Поэтому данная ниша на рынке труда относительно низкоконкурентна и доступна для иностранцев. Кстати, некоторые менее популярные или расположенные в периферийных регионах университеты действительно иногда предлагают единовременную выплату в качестве помощи при переезде и устройстве при условии заключения контракта не менее чем на два года. Сумма 2–5 тыс. долларов в зависимости от региона выплачивается всем: как иностранцам, так и американцам, переехавшим из других штатов. Абсолютное же большинство университетов не предлагают ничего, кроме собственно зарплаты, которая в среднем по США достаточно низкая. Деньги могут показаться большими только в абстрактном рублевом эквиваленте, без учета разницы стоимости жизни в России и США. Так почему же научные сотрудники из России уезжают и это превращается в проблему?

На мой взгляд, причин много, и у каждого они свои. Но есть несколько общих факторов, которые объективно мешают успешной научной карьере молодых ученых в России и затрудняют возвращение уехавших даже на время, в рамках учебных или научных проектов, специалистов.

DOI: 10.32757/2619-0923.2023.4.26.34.37

Антон Михайлович ЛЕННИКОВ
доктор медицины, доктор философии, сотрудник Института глазных исследований имени Шепарда (Массачусетс, США)

Антон Михайлович Ленников закончил Владивостокский государственный медицинский университет (ныне – Тихоокеанский государственный медицинский университет Министерства здравоохранения РФ) в 2008 году по специальности врач-офтальмолог. Продолжил научно-образовательную деятельность в 2009 году в Японии, в Медицинской школе университета Хоккайдо, где в 2013 году получил степень Ph.D. Далее год работал постдокторантом на офтальмологическом факультете Медицинского университета Саппоро. С 2014 по 2015 год – постдокторант в лаборатории патогенеза рака мочеполовой системы Центра онкологических исследований (Национальный онкологический институт) в Бетезде (США). Продолжил исследования в отделении клинической и экспериментальной медицины (IKE) (отделение нейро- и воспалительных болезней, NIV) Линчепингского университета (Швеция). Сейчас – сотрудник Офтальмологического исследовательского института Схейпенса Массачусетской клиники глазных и ЛОР-болезней в Бостоне (Schepens Eye Research Institute of Massachusetts Eye and Ear). Автор 78 публикаций, индекс Хирша – 18.

ОТСУТСТВИЕ МЕХАНИЗМОВ ИНТЕГРАЦИИ В РОССИЙСКУЮ НАУЧНУЮ СИСТЕМУ

В России не существует программ, которые позволяют успешным специалистам вернуться в Россию и продолжить карьеру, основав, допустим, собственную лабораторию. Проблема только российская – в Китае, Индии, Турции и многих других странах созданы механизмы, когда ученый, отучившись за границей и имея достаточный багаж публикаций и достижений, может связаться с университетом на родине и получить позицию профессора или ассистента. В России же человек с большим научным и практическим опытом по возвращении не только не имеет каких-либо серьезных карьерных перспектив, но зачастую оказывается предоставлен самому себе. В значительном числе случаев такой специалист, помыкавшись, снова находит работу за рубежом. Если решить вопросы интеграции, то проблема утечки мозгов значительно снизится. Люди будут ехать за границу учиться или работать в перспективных научных проектах, а затем возвращаться, чтобы воплотить свои знания и опыт в российской лаборатории в роли завлаба или профессора.

НЕТ ЭФФЕКТИВНОЙ СИСТЕМЫ ПРИЗНАНИЯ ИНОСТРАННЫХ ДИПЛОМОВ

Отчасти это продолжение уже обозначенной проблемы интеграции. Получив ту или иную научную степень за границей, человек сталкивается с тем, что его PhD в России – просто бумажка, а все, что есть, – прочерк в трудовой книжке, который играет бóльшую роль в карьере, чем можно предположить. Например, вакансия требует двухлетнего опыта работы в научной сфере. Но если вы приобретали этот опыт за рубежом, соответствующей записи в трудовой нет, и вас не примут на должность по формальным признакам. Доходит до абсурда: вчерашнему профессору, вернувшемуся из США, могут предложить позицию постдока, а его начальником будет человек, который по идее должен был бы у него обучаться. Продуктивной ли будет такая работа? И захочет ли высококвалифицированный специалист работать на таких условиях?

Да, есть сферы, где наличие иностранного диплома приветствуется, но вся отечественная академическая система заточена именно под российское образование. Я знаю специалистов, которые, получив PhD за границей, в России вынуждены были снова устраиваться аспирантами. Люди несколько лет просто переводили свою иностранную научную работу и публиковали ее в российских журналах, чтобы выполнить требования диссертации и хоть как-то себя обеспечить. Проблема скорее административная, но ощущается очень остро. Нужны четкие, законодательно прописанные критерии

эквивалентности дипломов и публикаций, зачет периодов научной работы за рубежом. Для врачей, которые занимались академической наукой за пределами России, все еще сложнее. Если не работать в российской медицине больше 5 лет, потребуется достаточно сложная процедура восстановления лицензии. У специалиста на это может просто не оказаться денег и времени, и он опять уедет за границу чисто из экономических соображений.

КРАЙНЕ РИСКОВАННЫЙ ПЕРЕЕЗД

Для ученого, решившего вернуться в Россию, переезд связан с существенными расходами. При этом даже при заключении контракта с российским научным учреждением вы вполне можете оказаться в ситуации, когда приступить к работе в обозначенный срок не сможете по разным административным причинам. Да и обещанные в контракте суммы могут на деле оказаться значительно ниже. Более того, после переезда вам могут предложить подписать совсем другой контракт, на гораздо менее выгодных условиях, вероятно, исходя из соображений, что вы уже переехали, потратились и теперь согласитесь работать за меньшие деньги. В противном же случае вы рискуете оказаться в положении ненужного человека, который непонятно зачем вернулся. Время идет, работа не начинается, деньги кончаются. В моем случае задержка составила 6 месяцев, и к тому времени, когда университет обозначил дату выхода за сумму в четверть от изначальных договоренностей, я уже несколько месяцев работал на новой позиции в Европе.

СЕМЕЙСТВЕННОСТЬ И КУМОВСТВО В НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

Как и во многих других узкоспециализированных сферах, научных и академических позиций не так много. Чаще всего их заполняют людьми знакомыми, которые прошли долгий пусть от, допустим, биофака до кандидатской, докторской к позиции доцента и т.д. И да, детям профессоров тоже нужны места. В результате человек со стороны, с образованием и опытом, полученными в США или Европе, в такой команде не очень-то и нужен, и уж точно не на руководящих ролях. Речь идет именно о специалистах, которые получили свой опыт за границей самостоятельно, а не были отправлены от российского университета или академического института – в этом случае отправляют "нужных" людей.

ОЦЕНКА ТРУДА РОССИЙСКИХ УЧЕНЫХ ПО ПУБЛИКАЦИЯМ В РЕЙТИНГОВЫХ ЖУРНАЛАХ

Результаты российских научных исследований часто публикуются в менее престижных международных научных журналах, чем, допустим, китайские, из-за недостаточного опыта отечественных специалистов в стилистике написания таких работ. Сюда же можно отнести и плохую организацию работы с рецензированием и редакциями журналов. Возможно, это следствие низкого уровня английского языка в российской науке в целом, не берусь судить. Язык современной науки английский – хорошо или плохо, но это свершившийся факт. Опубликованная же на русском языке научная работа с большей вероятностью окажется незамеченной и невостребованной.

В то же время докторантам и постдокторантам в России нужно публиковать какие-то невообразимые 10 статей в год. В таком ритме можно публиковать только ерунду. Например, в медицине любой достойный научный проект занимает от 3 до 5 лет. В других сферах возможно меньше, но все равно: только процесс публикации занимает до полугода, порой дольше. А оценка научной деятельности в России зачастую в большей степени зависит от количества статей, нежели от реальной значимости исследований. Поэтому заведующим лабораториями невыгодно вкладываться в фундаментальные проекты: нужно держаться на плаву, выполняя план по публикациям.

НЕЭФФЕКТИВНАЯ СИСТЕМА РАСПРЕДЕЛЕНИЯ НАУЧНЫХ ГРАНТОВ

Сразу оговорюсь, что это не только российская проблема. Отсутствие нормального процесса подачи грантов постдоками создает трудности для молодых научных работников, желающих развивать свои карьеры и лаборатории. Но даже если такой сотрудник получает грант, требования к публикациям и темпу работы часто бывают чрезмерно высокими, а возможности эффективно использовать выделенные средства сильно ограничены. Как было указано выше, даже при получении суммы, достаточной для открытия собственной лаборатории и проведения научных исследований в течение 3–5 лет, в России эти ресурсы часто расходуются неэффективно из-за проблем в работе всей системы.

КОРРУПЦИЯ

Эта проблема не повсеместная. Но она есть. И она весьма значима. Приведу простой пример. Допустим, вам нужно купить реактивы или оборудование. Пожалуйста, но только у одобренной администрацией компании-поставщика, которая принадлежит "своему человеку". Тендерная заявка будет прописана таким образом, что выиграет ее нужный поставщик. Учреждение заплатит втридорога, с большой долей вероят-

ности получит не то, что нужно, а разница в стоимости уйдет в карманы заинтересованных сторон. Не нравится? Как найти выход, вы знаете.

Может быть, сейчас стало лучше, но на 2016–2018 годы ситуация была именно такой. В том числе и по этой причине возникают ситуации, когда крайне дорогие инструменты не используются в работе, а просто пылятся в лабораториях. Зато можно смело заявить в интервью, что у нас есть высококлассный прибор за 3 миллиона долларов. Тот факт, что два миллиона ушли в откаты, а инструмент даже не работает из-за несоответствия целевым исследовательским задачам, отсутствия реагентов и надлежащего ТО, тактично умалчивается. До тех пор, пока часть администрации российских научных учреждений будет думать, как перевести государственные средства на свои личные счета, простым повышением финансирования проблему не решить.

САНКЦИИ И НАРУШЕНИЕ ЦЕПОЧКИ ПОСТАВОК

Результаты научной деятельности, особенно в естественно-научных областях, в значительной степени зависят от доступности высококлассного исследовательского оборудования, расходных материалов и реактивов. В США и Европе существует разветвленная сеть компаний, обеспечивающих эти ресурсы. В Австралии и Новой Зеландии подобные возможности ограничены, но все равно легко осуществить заказ и доставку. В России же в настоящее время основной источник реактивов и инструментов – Китай, что, безусловно, накладывает свои объективные ограничения. Если нет возможности решить проблему с санкциями, важно работать над созданием собственной инфраструктуры для производства всего необходимого науке материального обеспечения.

ОТСУТСТВИЕ УВЛЕЧЕННОСТИ НАУЧНЫМИ ОТКРЫТИЯМИ

Все описанное выше создает атмосферу, в которой ученые не испытывают глубокого интереса к процессу познания и исследования. Забитые низкими зарплатами и административными проблемами, специалисты или просто тянут лямку в ситуации выученной беспомощности, или уходят из науки в более финансово продуктивные отрасли, или уезжают за границу. Например, до санкций много врачей и ученых уходили в торговлю фармацевтическими препаратами просто потому, что там выше зарплата, есть служебная машина, более простая работа и четко обозначенный круг служебных обязанностей.

УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ СТ. 275 УК РФ

Новые реалии современности добавили еще один значимый аргумент против возвращения в Россию. Громкие дела о государственной измене в отношении ученых, которые, по крайней мере при поверхностной оценке, просто выполняли свою работу, заставляют задуматься. Подобные случаи крайне негативно сказались на возвращении научных кадров в Россию. Учитывая формулировку ст. 275 УК РФ, каждый российский гражданин, который получал финансирование из государственных источников США (любые гранты серии R, K) или тем более Департамента обороны США, который, к слову, финансирует множество не секретных и не военных проектов, – это практически готовый подсудимый по ст. 275 УК РФ. Даже доказательства собирать не придется, номера грантов будут в научных статьях.

Разумеется, количество уголовных дел в отношении ученых ничтожно мало в сравнении с количеством ученых, когда-либо работавших в США и других странах и вернувшихся. Но захочет ли специалист играть в такую лотерею? Сейчас российскому специалисту очень легко получить вид на жительство в США, просто апеллируя к этим уголовным делам и указав на боязнь уголовного преследования на родине. Насколько реальны такие опасения, сложно сказать, но с точки зрения Госдепартамента США этого достаточно, чтобы перестраховаться и выдать специалисту право бессрочного проживания. Многие ученые этим пользуются, чтобы просто избежать визовых ограничений.

КОМУ ТЫ НУЖЕН?

В заключение хочу отметить еще один нюанс в отношении к специалистам, вернувшимся в Россию после учебы и работы за границей, со стороны российской научной общественности. Нередко приходилось слышать вопросы: "Зачем ты вернулся? Там оказался не нужен? Почему же думаешь, что нужен кому-то здесь?" Что это – зависть, непонимание или наследие советского менталитета, не берусь судить. Но в более или менее вежливой форме любой специалист, вернувшийся в Россию, услышит в свой адрес подобные реплики. Я не считаю такой настрой научного российского сообщества существенным фактором – взрослый состоявшийся человек не примет подобные фразы всерьез. Но и плюсом это явно не является.

* * * *

Уверен, что решение хотя бы части обозначенных проблем значительно уменьшит отток специалистов за границу, будет способствовать возвращению части высококвалифицированных кадров и улучшит ситуацию в российской науке в целом.